

Екатерина Белявская

HIROSHIMA

«Hiroshima mon amour»

Франция, 1959
Режиссер: Ален Рене
В ролях: Эмманюэль Рива, Эйджи Окада, Стелла Дассас, Пьер Барбо, Бернар Фрессон
Сценарист: Маргерит Дюра

ЛЮБОВЬ МОЯ

Первые слова, которые звучат в фильме Алена Рене: «Ты ничего не видела в Хиросиме. Ничего». Вполне возможно, это первое, что японец говорит своей любовнице. «Я видела все. Все», — отвечает она. Рассказывает, что была в госпитале и (четыре раза) ходила в музей, смотрела фотографии разрушенного города. Ей то, по-видимому, было необходимо для работы, чтобы лучше вжиться в роль медсестры; в Хиросиму она приехала на съемки фильма. Даже это он узнает уже после того, как двое, насытившись, смогли друг от друга оторваться. Абсолют страсти.

От незнания друг о друге — до знания, что они абсолютные любовники. Любая пара из миллиона. Их связь — не роман Ромео и Джульетты «на все време-

на», а история вне времени. Режиссер подчеркивает это на протяжении всего фильма.

Видеоряд, которым сопровождается ответ героини, — картины из ее памяти. Палаты в госпитале, залы музея. Но затем Рене показывает нам явно хроникальные кадры. Руины, чудовищно искаленные тела. Первое живое движение после катастрофы: паучок бежит по земле, червяк перебирается из одного укрытия в другое. Кому принадлежат эти воспоминания? Этого действительно не могла видеть французская актриса, в Хиросиму она попала только спустя более десяти лет после атомного взрыва. Но ведь это и не воспоминания японца! Несколько позже зритель услышит, что сам он был в армии (потому и остался в

живых), а вся семья в Хиросиме погибла. Хроника лишь бесстрастно показывает улицы изуродованного города: развалины, трупы, отталкивающие увечья уцелевших.

Ален Рене начинал как документалист. «Хиросима, любовь моя» — его первый художественный фильм. В одном фрагменте в кадре появляется пустая глазница трупа или человека без сознания. Чьи-то руки — врача? — раздвигают веко: впадина... Проходит 7–8 секунд. Немало для экранного времени. Перебор? Но французское кино знакомо с эстетикой уродства. И здесь ощущается традиция. Предшественники Алена Рене во французском кинематографе экспериментировали, создавая фильмы из подобных — по жестокости и алогичности — изображений. Например, Бунюэль со своими работами «Андалузский лев» (1928), «Золотой век» (1930). Там есть и кадр с глазом, вызывающий естественную реакцию отвращения. Глаз, показанный крупным планом, разрезают. Или: из руки — муравьи. Это смешно. Это как каламбур, вроде платоновского «аппетита к питанию».

Сожженная жизнь имеет художественное значение. Здесь это образ. И главное, что должен увидеть зритель в хроникальном эпизоде, — руины.

Мотив разрушения возникает то в одной, то в другой сцене фильма. Героиня рассказывает о своей прежней любви. Во Франции у нее был роман с немецким солдатом, которого потом убили, смерть которого она долго не могла принять. «Вначале мы встречались в полуразвалившемся здании, потом — в комнате, как делают это люди». Любовь на руинах. «Любовь и разложение» — вот подлинная тема фильма Рене. Хиросима — только предлог.

Еще один знак, который делает режиссер зрителю: француженка возвращается с балкона в номер отеля, на кровати дремлет ее любовник, вытянув руку вдоль туловища. Вытянутая рука — деталь, которая вызывает видение из прошлого. Секундная вспышка памяти. Мертвое тело немецкого паренька. И дальше — продолжение обычной жизни. Настоящий любовник просыпается, она подходит к нему, предлагает кофе...

Вернемся к «бессмысленному эпизоду» в

начале фильма. В первых секундах показаны сплетенные тела мужчины и женщины, тела покрываются пеплом, сыплется и сыплется пепел, проступает испарина от любовной работы, пепел мокнет на потных телах. (Это то, что Рене на миг дал увидеть будто в другом измерении). Вам подарили прикосновение к тайне. Потом — без всякого перехода, для всех — просто голые люди в постели.

Любовь отодвигает момент разрушения? Любовь так же сакральна, как распад? У жизни есть только две составляющие — любовь и разложение...

В «Хиросиме» пережить трагедию нельзя. Просто потому, что время, которое лечит, не действует.

Героиня — готовая пациентка для какого-нибудь психоаналитика — находится во власти своего прошлого. Любовник то и дело спрашивает о нем. Вначале женщина сообщает, что жила в Нувере, «там выучилась читать», но больше никогда туда не вернется. Потом упоминает о случае, из-за которого навсегда покинула тот город. Свой рассказ — ему Рене уделяет много времени в фильме — француженка начинает в квартире любовника, продолжает уже в чайной. «А мужу своему ты рассказывала»? «Нет». Никому не рассказывала, ни с кем не делилась, это живет глубоко внутри. Любовник радуется ее отрицательному ответу: он посвящен в то сокровенное, о чем не знает даже самый близкий человек.

Японец вынуждает, заставляет ее рассказать о себе. Память, иррациональное — «неизлечимая» часть самой человеческой сущности; разрушение, гибель — часть существования.

«Хиросима — это ты». — «Да, правильно. А ты Нувер во Франции». Титры...

В «Хиросиме» «любовь — смерть», «война — мир», «реальность — воспоминания» вовсе не противоположности. Рене не обеспокоен тем, что герои живут в разных частях света. Ничего не может пройти — только это важно.

Они будто в конце фильма назвали друг друга, дали друг другу имена. Подлинные имена, которые объяснили, кто они.

